УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 811.512.145

СТАРОТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ПЕРЕВОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф.Ф. Гилемшин

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы изучения языка переводных работ XIX века, первоисточником которых явились произведения на арабском, персидском и турецком языках. Автор приходит к выводу, что актуальной задачей современной науки является системное исследование языковых характеристик таких произведений, как «Бүз егет», «Тутыйнамә китабы», «Әбүгалисина кыйссасы» и ряда других, которые оказали большое влияние на развитие татарской литературы. Особое значение в этой связи приобретает мобилизация принятых в татарской диалектологии регистров изучения языка письменного наследия: графофонетического, морфологического, лексического и иных аспектов исследования речевой ситуации.

Как явствует из оценки ситуации в сфере татароязычного литературного процесса, переведенные с восточных языков произведения занимают свое, и весьма значительное, место в татарской литературе и культуре. Такое положение вещей обусловлено исторически: начиная с булгарской эпохи тюркоязычная общность Поволжья находилась в тесных культурных и экономических связях с народами Средней Азии, Афганистана, Ирана [1, с. 120]. После принятия Ислама и образования Поволжской уммы культурное взаимодействие с Арабским халифатом и находящимися под его влиянием народами еще более усилилось. Арабский язык как язык религии-идеологии получает широкое распространение. Он становится обязательным предметом в образовательных структурах того времени [2]. В целом можно сказать, что арабо-персидская цивилизация и соответствующий ей культурно-этнический комплекс оказали большое влияние на формирование самосознания татарского народа. Мусульманская религия, религиозная философия, письменные источники и просвещение явились системообразующим фактором в процессах духовного развития тюркоязычного населения региона между Волгой и Уралом [3, с. 45].

Вместе с тем следует представлять, что местные авторы стремились адаптировать ценности восточной культуры к социокультурным особенностям «самого северного форпоста» мусульманской религии. Поэтому для переводов использовались те литературные произведения восточных авторов, которые были наиболее созвучны психоментальности татарского этноса, отвечали – в определенной степени – условиям его повседневной жизни, что в наиболее отчетливой форме прослеживается в переводной литературе, относящейся XVII –

XVIII векам. Эти традиции получают развитие в XIX столетии, когда российское общество и его этнокультурные «сегменты» втягиваются в процессы модернизации: «…в начале XIX столетия татарское общество, находясь в напряженном идеологическом поиске, с еще большей силой вбирает в свою жизненную орбиту литературу, культуру народов и стран от Индии до Марокко, от Кашгара до Египта. Татарский читатель этой эпохи свободно мог воспользоваться произведениями этих народов как в арабско-персидском оригинале, так и в переводе. Отвечающие в какой-то степени проблемам, волнующим татарское общество, эти «заимствованные» произведения, как и местная литература, выполняют среди татар идеолого-эстетическую роль» [4, б. 44].

К середине XIX в. мы наблюдаем дальнейшее развитие процесса творческого освоения тюрко-татарскими просветителями высоких образцов восточной культуры. Р. Амирханов переводит и издает книгу турецкого поэта Руми Салиха «Пиргули васыяте» (1840). Привлек внимание переводчиков эпос «Бүз егет» персидского поэта Бахави, который тот создал, опираясь на морально-этические поучения, содержащиеся в иранских письменных источниках. Тема морально-нравственного идеала является в эпосе Бахави доминирующей, центральной, поэтому в литературной критике не без основания высказываются суждения о том, что он знаменует новый этап в развитии восточной литературной традиции, который характеризуется уходом от синкретизма, «разнокалиберной» многосюжетности и многоплановости с их неизбежными внутренними столкновениями между различными подходами, литературными приемами и ценностными суждениями. Кстати, заметим, что наличие у литературного текста одного содержательного и идейного центра – это верный признак складывающегося литературного и общественно-культурного стиля модерна. Если синкретическая, «всеядная» в культурном отношении традиция еще выразительнее представлена в переводных произведениях домодернизационных времен – с арабского «Мөнәббиһәт» («Фикер уятучы», 1630), с персидского «Мәҗмугыл хикәят» (1703) и др., то уже в более поздних переводах, таких, как «Тутыйнамә китабы» (1851), «Марзбаннамә» (1864), «Кырык вәзир кыйссасы» (1868), «Әбүгалисина кыйссасы» (1872), «Кыйссаи Хатж Тай» (1876), «Кыйссаи Салсал» (1879), «Кыйссаи Таһир илә Зөһрә» (1874) и др., явственно дает о себе знать тематическая монологичность, стилевое и идейное единство, отказ от назидательной дидактической публицистики, соответственно, обретение этими произведениями статуса художественной литературы. Различные аспекты этой трансформации получили отражение в современной литературной критике, в том числе в фундаментальном издании, посвященном истории татарской литературы.

«В 90-е годы XIX века такие (т. е. полноценные в художественном и жанровом отношениях. – *Ф.Г.*) произведения буквально врываются в татарскую литературу. Появляются такие знаменитые писатели, как Г. Фаезханов, Ф. Халиди, Ш. Рахматуллин, работавшие в этом направлении» [5, б. 96]. «Таким образом, в период перехода татарской литературы на путь реализма обращение к народным романам Востока, называемым в науке «литература эпоса», занимает значительное место. Литература вбирает в себя повседневные обыденные события, использует увлекательные приемы описания. Усиливается процесс вос-

приятия, эстетическая оценка обыденных жизненных явлений как поэтических образов» [5, б. 106].

Согласно представлениям современной науки, в том числе социолингвистики и лингвистической философии, новое культурное явление, другая, отличная от предыдущей система ценностей пробивают себе дорогу прежде всего путем формирования новой дискурсивности. Следовательно, для осмысления эстетических интерпретаций структур повседневности, формирования на их основе поэтических образов в процессах социокультурной индектринации в переводных произведениях форм восточной культуры необходимо подвергнуть анализу языковые, речевые и стилистические особенности трудов переводчиков.

Ученые высоко оценивают значение переводных произведений для развития татарской литературы: «Даже в конце XIX столетия переведенные произведения находятся в центре решения назревших проблем татарской литературы, играют важную роль в формировании новой поэтики. Если с одной стороны перевод классических произведений Востока поднимает и обогащает мастерство татарских писателей, с другой – дает возможность расширить литературно-эстетических кругозор народа» [4, б. 257]. Между тем эта важная проблема остается недостаточно изученной в татарской филологии. Как подчеркивает один исследователь, «не изучены должным образом сказания, служившие читателям на протяжении многих веков художественной литературой, кроме «Кыйссаи Йосыф», их место в истории литературы так же не определено» [4, б. 244–245].

Оценивая состояние изученности этой проблемы, можно сказать, что ее научная разработка носит фрагментарный характер. Скажем, С. Хафизов в своей работе «XIX йөз татар прозасы» исследовал влияние переводных произведений на развитие реализма в татарской литературе [6]. Однако и в такого рода исследованиях за пределами авторского внимания фактически оказываются вопросы языкового отображения тех или иных пластов восточной культуры. Дожидаются своих исследователей переведенные в предшествующие времена образцы традиционного народного творчества, которые позволяют судить о характерных чертах и особенностях эволюции дискурса перевода в татароязычной литературе. Методологические основы этого направления научной деятельности заложены в работах ряда современных исследователей, среди которых следует выделить труды Дж.Г. Зайнуллина [7, 8].

Обращают на себя внимание и работы текстолога М. Ахметзянова, который внес заметный вклад в разработку принципов анализа произведений эпосного жанра, причем с учетом стиле-языковых особенностей их переводов [9, б. 165–213].

В целом же назрела необходимость систематического и комплексного изучения разговорно-языковых особенностей переводов восточной литературы. При этом необходимо иметь в виду, что мы имеем дело не с традиционным «чистым» переводом – переводчик персидской, арабской или турецкой литературы исследуемой эпохи выступает, скорее, соавтором переводимого произведения, поскольку он активно вмешивается в текст, выделяя и комментируя те моменты, которые он находит «достойными общественного внимания» [4, б. 168]. И более того. Если иметь в виду использованные в переводе художественно-изоб-

разительные средства, а также рекомбинацию сюжетов и тем, то такой перевод можно считать в известном смысле образцом индивидуального художественного творчества и общественно-политического «почерка» его автора. Показательно, что в литературоведении и языкознании те или иные переводные произведения не проходят по разряду собственно переводной литературы, а исследуются в рамках всего творчества обратившегося к переводу писателя, например К. Насыйри, Г. Фаезханова, Ф. Халиди и др.

Есть и другая сторона этой проблемы: большинство переведенных в XIX столетии произведений неплодотворно исследовать только в русле творчества одного отдельного писателя, здесь мы имеем дело с процессами формирования культурной и исторической идентичности татарского этноса. Поэтому объектами перевода, во-первых, становились те произведения, идеи которых оказывались созвучны представлениям татарских просветителей той или иной эпохи, а во-вторых, в силу этого обстоятельства к переводам одних и тех же произведений обращались разные литераторы.

Так, турецкий вариант «Китабе Тутыйнамә», значительно отличающийся от персидской версии этого произведения, последовательно издается в Каире (1837, 1839, 1840), в Стамбуле (1850) и Казани (1851) [10]. Четверть века спустя под несколько видоизмененным названием оно вновь переводится другим казанским автором, выдерживая пять переизданий. Еще один вариант этой книги вновь переводится и публикуется в Казани примерно в это же время. В современной науке это произведение оценивается как «усилившее естественные мотивы татарской литературы середины XIX века» [4, б. 104, 100]. Это же произведение переводится в 1887 г. Г. Фаезханом как «Тутыйнамә китабы» [11] и переиздается пять раз. Известно, что также вариант «Хикмәтле тутый хикәяте» [12] был переведен Р. Амирхановым и издан в Казани в 1885 г. [4, б. 104].

В начале 70-х годов XIX в. К. Насыйри переводит «Әбүгалисина кыйссасы» [13], это произведение переиздается восемь раз. Позже его переводит Ш. Рахматуллин, и этот вариант перевода также выдерживает несколько изданий. Уже в начале XX в. «Әбүгалисина кыйссасы» привлекает внимание С. Шарафутдинова, а К. Минзелвали придал ему стихотворную форму [4, б. 393].

Сборник образцов фольклора «Мең дә бер кичә» увидел свет в переводах Ш. Ибрагимова и Ф. Халиди [4, б. 253–254].

Примером перевода как сложносоставного культурного явления служит произведение «Бүз егет кыйссасы», которое увидело свет в поэтических переводах Бахави и А. Уразаев-Кормаши: оно выразительно характеризует особенности творчества этих поэтов и является образцом эпического жанра, отразившего устное народное творчество. В этом же ряду оказывается сказание «Кыйссаи Таһир илә Зөһрә», ряд других произведений.

Очевидно, что нуждается в полноценном ответе тот вопрос, который сформулирован современной наукой: «Как решается в этом случае проблема языка?» [14, б. 107–108]. Иначе говоря, необходимо предпринять системное исследование языковых характеристик переводных произведений, используя принятые в татарской диалектологии регистры изучения языка письменного наследия: графофонетический, морфологический, лексический и иные аспекты исследования речевой ситуации.

Summary

F.F. Gilemshin. Old Tatar language (19th century): a study of the language of oriental literature translations.

This article reviews problems of researching the language in translated 19th century works, which were originally written in the Arabic, Persian and Turkish languages. The author comes to conclusion that a system study of linguistic characteristics of such works as “Buz Yeget”, “Tutiynama kitaby”, “Abugalisina Kiyssasy” etc is currently of great importance, as these works had a great influence on the development of the Tatar literature with regard to this, the use of Tatar dialectology methods for written text studies, such as graph phonetic, morphological, lexical and other ones, is particularly important.

Литература

1. *Ахметзянов М.Н.* Татарские версии сюжета «Тахир-Зухра» // Средневековая татарская литература VIII – XVIII вв. – Казан: Фән, 1999. – С. 119–124.
2. *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария: духовная культура. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 116 с.
3. *Махмутов М.И.* К вопросу об изменениях в лексике татарского языка // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Казань, 1992. – С. 45–48.
4. Татар әдәбияты тарихы: 6 т. Т. 2 XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 575 б.
5. *Бәширова И.Б.* Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы. – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 576 б.
6. Х*афизов С.* XIX йөз татар прозасы. – Уфа: Башкортостан дәүләт университеты, 1979. – 80 б.
7. *Зайнуллин Дж.Г.* Татарская версия «Калилы и Димны» (рукописные литературные варианты и переводы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 1987. – 17 с.
8. *Зайнуллин Дж.Г.* Татарская версия «Калилы и Димны» (XVI в.) // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. – Казань, 1990. – С. 39–42.
9. *Әхмәтҗанов М.* Татар кулъязма китабы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 270 б.
10. Китабе тутый намә. – Казан: Университет табгыханәсе, 1851.
11. *Фәизхан Г.* Тутый нәмә китабы. – Казан: Типо-литография наследников Чирковой, 1896. – 142 б.
12. Хикмәтле тутый хикәяте. – Казан, 1885.
13. *Насыйри К.* Әбугалисина кыйссасы. – Казан: Университет типографиясе, 1889. – 112 б.
14. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәрмәләр язучы, сүзлекне әзерләуче Флора Вahап кызы Әхмәтова-Урманче. – Казан: «Раннур» нәшр., 2004. – 640 б.

Поступила в редакцию
11.09.07

Гилемшин Флер Фоатович – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института востоковедения Казанского государственного университета.